

Алекс Экхарт

ТЁМНАЯ НОВЬ

Алекс Экхарт

Тёмная новь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74187686
Тёмная новь. / Алекс Экхарт: Перо; Москва; 2026
ISBN 978-5-00270-832-1

Аннотация

Дорогой читатель! Данное издание представляет собой сборник стихотворений, написанных мной с 2016 по 2026 год. В книге представлены не только «темные» стихотворения, но и светлые, так как наша жизнь состоит не только из бед и трагедий, но также из хороших и светлых дней. Описывая темные миры, я ни в коем случае не принимаю эту самую сторону, я только пытаюсь напомнить, что в нашем мире существует и зло, о котором мы часто забываем.

Содержание

Любимой	8
Крест	9
Чёрная змейка	11
Последний билет	12
Корсары	15
Атлантида	17
Осенний	18
Бастард	19
В. Шаламову	21
Мастер	22
Дневник чумного года	25
Стопоголик	27
Ложное время	29
Я от латыни	31
Строители Вавилонской башни	33
Капитан	35
Потеря дара	36
Страна грез	37
Белый вождь	38
Невидимые пилигримы	40
Пылающий Варанаси	41
Колизей	42
Музыка ночи	44

Под знаком креста	45
Поклонники Феба	47
Пир на костях	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алекс Экхарт

Тёмная новь

© Алекс Экхарт, 2026

Дорогой читатель!

Данное издание представляет собой сборник стихотворений, написанных мной с 2016 по 2026 год.

В книге представлены не только «темные» стихотворения, но и светлые, так как наша жизнь состоит не только из бед и трагедий, но также из хороших и светлых дней.

Описывая темные миры, я ни в коем случае не принимаю эту самую сторону, я только пытаюсь напомнить, что в нашем мире существует и зло, о котором мы часто забываем.

Любимой

Моя жена прекрасна, как цветок,
Как роза без шипов, как медуница,
Как лилия, что к солнышку стремится,
И превращается в прекрасное росток!

Как звук свирели в поле на заре,
Луч яркий солнца в утреннем тумане,
И виноградом на живой лозе,
Я от неё, как пьяный, весь в дурмане.

Моя жена прекрасна как заря,
Над миром тёмным – луч, горящий света,
Что падая, на грани янтаря,
Он принимает облик самоцвета.

Крест

Года бегут, глаза меняют цвет
И снегом волосы, как ранняя зима,
Желанья в зеркало смотреться больше нет,
И одиночество подкралось словно тьма.

До прошлой Пасхи, схоронила мать,
Своих родных и вскормленных детей,
Что, уходя из дома воевать,
На пять минут присели у дверей.

Вернёмся мы, промолвил старший сын,
Война окончится, не нужно горевать,
И вторил криком журавлиный клин,
Пророча будто матери – страдать.

А младший голову курчавую склонил,
В ладони сжав отцовский старый крест,
Что бережно от времени хранил,
В лоскутах из берёзовых берест.

А на дворе стоял осенний хмурый день,
Из дома уходили сыновья,
За окнами расцветшая сирень,
Склонилась над разводами ручья.

Чёрная змейка

В храме соборном – гроб на скамейке.
Дождь за окном, воет ветер по трубам,
В яме могильной лишь чёрная змейка,
В поисках праха со сломанным зубом.

Каменный грот. В нём подвешены к низу,
Восемь мышей, все с оскалами в гневе,
Каждая мышь видит в полостях крысу,
Кровь запеклась в их готическом зеве.

Мраморный пол. По периметру стены,
В золоте двери, винтажные окна,
Выются «до неба» крутые ступени,
Ангел в картине, в лазури волокна.

Эти миры замыкаются в прахе,
В точке отсчёта – конца приключений.
Каждая жизнь обновляется в страхе,
В поисках света, смертей и рождений.

Последний билет

Когда прибудем в царство Персефоны?
– Какой-то забулдыга, чуть шатаясь,
Всё ковылял по красному вагону,
От смога постоянно чертыхаясь.

От матерщины в поезде горело,
Плацкарт светился яркой пентаграммой,
А в топке, что-то билось и сопело
И пузырилось жёлтой амальгамой.

Кондуктор чёрн, неистово и гордо,
Перебирал билеты и жетоны,
Там, под картиной: Класа¹ – «Натюрморт»-а,
Под взглядом дьямониической вороны.

"Оставь надежду" – напевал он хмуро,
Костяшками стуча о стол из тиса,
Вдруг, бледная при отсветах фигура,
Вскричала всем: не будет компромисса!

ВЗДОР (ДИАЛОГ МЕЛАНХОЛИИ И АПАТИИ)

¹ Питер Клас – Голландский художник, мастер натюрморта. Писавший картины с ликами смерти.

МЕЛАНХОЛИЯ

Ты говоришь, что жизнь плоха?
Позволь мне с этим согласиться,
Ведь даже малая блоха
Пьёт крови, чтоб опохмелиться!

Уверенно свой держит путь,
Стучит зубами оголтело,
Под микроскопом – морда жуть,
Под микроскопом – жуть и тело.

Вращает взором там и сям,
Напориста, всегда ретива,
По новым прыгает шерстям,
Но в целом все ж миролюбива.

А черви? Стаи саранчи?
О, не забудем же о гнидах!
Что в яйцах...

АПАТИЯ

– Скройся, замолчи!
Довольно слов о паразитах!

Мне безразлично, кто есть кто:
Что свет, что тьма, что прах, что роза,
Сколь крови было испито?

Я враг – всего апофеоза!

Корсары

Все забывают, что умрут, когда придёт их час,
Оденут в саван и тогда вдруг похоронят нас,

Опустят в море восемь рук с верёвкой на плечах,
Друзья оставят нас одних, мы обратимся в
прах.

Зачем бежать, куда спешить, уж если суждено,
Уйти из мира нам с тобой, под киль сойти на дно.
Под чёрным флагом, на волнах качается баркас,
И море шепчет: «Спруты ждут, в пучине тёмной вас!»

Наш курс проходит по морям, где воды широки,
Где золото лежит горой, готовьте сундуки,
Монеты звон и шпаги свист разносится вокруг,
Беги, пират, спеши скорей, к сокровищам, мой друг.

Одна большая борода да Роджер в парусах,
Навеют страха на врагов, на бесов в небесах,
Спеши, пират, к большой земле, где золото рекой,
«На абордаж», – кричит корсар, спеша на свой разбой.

Налейте рома, чёрт возьми, и дайте карту нам,
Сойдёмся вместе на морях, ударив по рукам,
В тумане сотни кораблей для нас готовят бой,
Свистать команду, капитан, пират идёт с тобой!

Атлантида

Глубоко под поверхностью тёмной воды,
Тонны ила скрывают потерянный город,
В нём, когда-то, цвели по аллеям сады
И кузнец бил о плиты тяжёлый свой молот.

Там ворота от ворогов были крепки
И на кованных петлях в заклёпах и рунах,
Были кованы с сетью тугой рыбаки,
Отправляясь на ловлю под ветрами в шхунах.

Возвращались с уловом под новой Луной,
С моря издали песней будили закаты
И качали под гимнами – Осью Земной,
Стоя в шхунах под взглядами ведьмы ночной,
Заклинавшей рули бортовых циферблатов!

Осенний

Мне листопадом невпопад,
Стучало в окна днём осенним,
Устроив яростный джихад:
Цедре с малиновым вареньем.

И ветры яростно брели,
По переулкам и кварталам,
И листья жёлтые с земли,
Бросали к каменным порталам.

По скверам плыли и домам,
Их неудержные кормила,
И видел я как по волнам,
Гуляли хладные ветрила.

Укрыв себя под тёплый плед,
Я вспоминал былое лето,
И утра солнечный рассвет,
На строфах нового поэта.

Бастард

Что творится, что творится?
Снег за окнами кружится!
Верховодит снежный март,
Неприкаянный бастард.

Белый рыцарь в латах светлых,
Что при встрече неприветлив,
Бьёт из каждого угла,
Поднимая два крыла.

Сменит март – апрель капельный,
Весь нарядный, акварельный,
Эстафетой в тёплый май,
Зарывает снежный край!

Ветер гонит злую стужу,
Мир под хлопьями контужен,
Верховодит снежный март,
Осыпая строй мансард.

Мир накрыт покровом белым,
К фонарям обледеленым,
Жмутся стайки голубей,
Их влечёт тепло огней.

Небо к вечеру понуро,
Грезит хлопьями ажуре,
Ветер скор, он в два крыла,
Снегом бьёт в колокола.

В. Шаламову

Ночь на улице. Льёт над тайгой,
Свет Луна свой, не яркий, больной.
В этом свете погасшей Луны,
Взгляды зеков в бараках видны.

Курит в спешке тревожно табак,
Полумёртвый, холодный барак.
У печи перед бандой блатных,
Быют парнишку из еле живых.

Луч прожектора шарит во тьме,
Пробегая по старой тюрьме.
По периметру стая собак,
Охраняет голодный барак.

Не уйти, не пропасть, вот напасть,
Если только меж брёвен упасть,
И уткнувшись лицом в мёрзлый грунт,
Быть убитым за долю секунд.

Мастер

«Откройте ворота» – кричал во весь голос,
На белом коне в чёрной мантии всадник,
И двигал запорами – балками, Хронос,
И двери открыл по запросу привратник.

Въезжая во двор королевского замка,
Где в окнах горели от серы в шандалах —
Массивные факелы, пела дворянка,
И с кем-то гадала на острых кинжалах.

Скрипел механизм у подъёмного крана,
Железные двери на кованых петлях,
К земле опускались, впустив капеллана,
В подземные своды его не приветив.

Пройдя по туннелю и каменным нишам,
Его подвели к неопознанной двери,
Он ухом прильнул и чуть еле расслышав,
Какие – то речи в глухом интерьере.

Замок отворён. Капеллан пробираясь
Ступенью крутой в самый низ темных камер,
От запаха смрада едва задыхаясь,
Добрёл до цепей, где закован был мастер.

Поэт – подневольник, приметив пришедших,
С почтеньем склонил перед ними колено,
И стражник вскричал: «Между всех сумасшедших,
Он Музу свою называет – Измена»

«Измена», – ответил поэт, не смущаясь,
И руки свои протянул к капеллану,
Где вены в надрезах и кровь, растекаясь,
Звучала игриво подобно органу.

– «Ты в мире лишь тень, – отвечал с грустью мастер, —
Король – лишь тиран, однодневный невежда,
– А, эти», – кивнул он, на стражников, – «пастырь,
Ни люди, а грязная в крови одежда».

И руки подняв к потолочному своду,
Он голос возвысил, сказав: «Вижу Музу,
Она призывает с любовью к народу»
И тут вдруг поник, прислонившись к брусу.

– «Ты верно – безумен», – промолвил сквозь зубы,
К нему капеллан при словах наклонившись,
А где-то гудели над башнями трубы,
И люди счастливые шли, причастившись.

На площади старой, палач ухмыляясь,
Верёвкой вязал пред народом поэта.
Читал капеллан на толпу отвлекаясь,

Святую главу из святого Завета.

Дневник чумного года (По книге Д.Дефо)

В приход чумы, разгул страстей —
Был виден с туч издалека.
Среди разбросанных костей,
Чудили граждане «слегка».

Повальный грех в разгар чумы,
Затмил собой небесный свод,
На каждой площади корчмы,
Сзывали к пиршеству господ.

Телеги двигались едва,
Завидев груды бледных тел,
Вращались смерти жернова,
Где только колокол пропел.

И кто был жив, но не успел,
Покинуть вовремя свой дом,
Он часом жизнь свою презрел,
Опившись сладостным вином.

Вино в кувшинах, как нектар.
Цена довольно высока.
От лика смерти личный дар —

Автограф страшного стрелка.

Свозили к ямам сотни тел,
Бросали наспех, крыв землёй,
И ворон пристально смотрел,
На месяц в небе молодой.

Стопоголик

Все люди, как люди, а я – стопоголик,
И дактиля стопы совместно с хореем,
Мешаю в час ночи, до болей до колик,
С чернилами вместе, анапестом клея.

В бумагу удары, по стопам в писулях,
Бегут словно негры слова в предложениях,
А буквы, как пчёлы, хихикают в ульях,
И новые строфы колдуют к сражению.

Листы оживают под взглядом героев,
Пятно от чернил – это кровь леопарда,
А злой император удушен в покаях,
Руками придворного, гордого барда.

В саду распрекрасном – крыло Махаона,
Под взглядом мальчишки зажато в фалангах,
Но ветер разносит вибрации стона
И кровь выступает на маленьких ранках.

Поёт святотатец, вгрызаясь в могилы,
Февральскую ночь освещают лампы.
Где утром цветы у могил возложили —
Не будет к покойным ни грамма пощады.

Ложное время

Весёлое детство, увы, не вернуть,
Песчаные мели покрыты водой,
И тянется нитью к закату мой путь,
Над жёлтой от солнца поникшей травой.

Весёлые лица из прошлых времён,
Покрытые мраком их годы скитаний,
Я двигался вдаль через призму имён,
Решая дилеммы от сложных заданий.

Расставлены свечи на старом столе,
Как блеск от клинка проясняется время,
Что капли дождя на понуром стекле,
В божественном доме родного Эдема.

Плоды недоступны. Там стражник святой,
Мечом отсекает порок и проказу.
Изгнанник всё грезит крылатой мечтой,
Одев на алтабас дырявую рясу.

И сердце сокрыв под пудовым крестом,
Из чистого золота с цепью червонной,
Он падает ниц пред распятым Христом,
Как бедный и жалкий с свечою возжённой.

Я от латыни

Я от латыни снова пьян.

Читаю: «lupus», вижу – зверя,

Что тащит к лесу горожан,

Est – bestia! Его вечера,

Должна быть точно по часам.

Там – зажигаются огни.

Там: Marcus Brutus cena occid!

Там: Roma – каждый превозносит,

Среди мечей, аквил, возни,

Ажурных лент и болтовни.

"Caesar currum numquam habet",

– Ходил пешком и воевал?

Конечно, поп! – в дружине ябед,

Всё ж очень редко отдыхал,

Он гнал коня и наступал!

Седой уже центурион,

Сестерций бросил на базаре,

Оставив часть добычи в баре,

А в термах заложил кулон.

Должно быть точно по часам,

Там зажигаются огни,
Где плебс устал от болтовни!

Строители Вавилонской башни

У вавилонской башни пьяниц куча.
Над Вавилонской башней грезит туча,
Под тучей этой, надо полагать,
С кайлом в руке похвально умирать.

И мастера с похмелья к подмастерьям,
Все лезут в драку, надо полагать,
Их лозунги – «быстрее поднимать.
Но, кирпичи в пути не кантовать!»

Да в поножовщине умеют кожу рвать,
На лоскуты её порезав деликатно.
Чтоб было всем уроком, не повадно,
На кирпичах от скуки погибать!

Но кирпичи всё выше тянут к тучам.
Рабочие снуют над тёмной кручей,
Где на вершине возле облаков,
Уложат их над бренностью миров.

Вот облака. Просвет едва заметен.
Но, что за ним? Один большой зрачок,
Среди небесных, голубых отметин,
Поднял свой лук божественный стрелок!

И сотни стрел пронизав облака,
Дойдут до цели, все, наверняка!

Капитан

Мой неокрепший слабый ум,
Сегодня дал росток!
В нём отворился чёрный трюм,
Повеял холодок.

Из тёмной ниши, из низин,
На свет поднялся сам
Одетый в старый дермантин,
Мой гений – Капитан.

Он всё напористей бубнил
О роли в мире – Муз,
И сжав кулак, мне им грозил,
Всё дуя в чёрный ус.

Потеря дара

В кафе для поэтов «Парнас»
Где небо всегда серебрится,
Где бьётся копытом Пегас,
Где лира от Музы искрится.

Под вечер, при полной луне,
В собрании лучших поэтов,
В той дальней и чудной стране,
Где нет друг от друга секретов.

Достав пожелтевший блокнот,
Целованный чёрной печалью,
Поэт без особых острот,
Промолвил: «Я – Музы не чаю»

И споры угасли в тот миг,
В бильярдной застыли вдруг тени,
И только парнасец старик,
Ружьё протянул на колени.

Страна грез

Там, где небо бросает звёзды,
Горизонт укрывает город,
Там герои живут из прозы,
Там тепло победило холод.

Там в далёкой стране под небом
Расцветает в июне вишня,
Там голодного кормят хлебом,
Там никто, никогда не лишний.

Люди там не знакомы с горем,
Люди там благородны очень,
Звёзды ловят ночами полем,
Что им светят там, между прочим.

Мне бы в город, где ловят звёзды,
Мне к ним срочно добраться надо,
Только ехать сегодня поздно,
А под утро снег будет с градом.

Белый вождь

Чёрным снегом замело – заячий приют,
Звери в логове мечи с полночи куют,
Молот держит молодой, коренастый вождь.
Снег растает, но потом хлынет чёрный
дождь.

Небо чёрное горит, грезит луг в ночи.
Звери крепят на ремнях светлые мечи,
Свет доспех растопит снег, мимо дождь пройдёт,
Если брони носят все, значит – повезёт!

Если звери водрузят к саркофагу флаг,
Значит ядерный процесс остудит очаг,
Звери верят, план людей – можно им сорвать,
Будут трели соловья над норой звучать!

А пока не спит кузнец, в погребях есть знак,
Время скорит на часах в час ночной: тик-так.
Выпал с неба чёрный снег, не видать людей,
По следам идёт отряд в грохоте мечей.

Вот дорожный перевал, рельс чугунных рой,
К саркофагу держат путь: вождь и гордый строй!
Вождь в берёзовой броне, реет белый флаг,

На пути предстал пред ним – чёрный саркофаг.

Радий долго хохотал, изрыгая смех,
Но мизинцем лишь коснулся светлый ряд доспех.
Пал на месте белый вождь, с ним и пал отряд,
Снег растаял, дождь пролил, чёрный выпал град.

Невидимые пилигримы

Гипнос приводит в бездействие брренное тело,
В час, когда сон полновластно владеет над смертным,
Бог сновидений – Онейрос вступает за дело,
Крылья свои распускает он над милосердным.

Спит человек под крылами могучего бога,
Сны о грядущем он видит своими глазами,
Разум бессмертный блуждает за гранью чертога,
Там, где встречаются души людей над телами.

Пылающий Варанаси

Череп и костры. Силуэты брахманов
У ступеней святилищ по четкам в молитве
Свои мантры воспели пред ликами храмов:
«Ом кхам Брахма», – готовясь к полуденной битве.

Их агхори не слушал, срывая гирлянды,
Где костры полыхали над призрачным миром.
И горел Варанаси в кострах доминанты,
Кольца дыма пуская под мутным эфиром.

Колизей

Он ловок, гладиатор со щитом,
Но против копий беззащитен он,

Так ретиарий с сетью в золотом
Неплохо для бойца вооружён.

Удара в сердце может избежать
И увернувшись выпад нанести,
И дать врагу ретироваться вспять,
И жизнь свою до времени спасти.

Но бестиарий осуждён на смерть.
Зверь для забавы при дурной толпе,
Перед сенатом дыбит свою шерсть,
К невинной жертве скорится успеть.

Удара в сердце можно избежать
И увернувшись выпад нанести,
И зверю дать ретироваться вспять,
И жизнь свою до времени спасти.

С димахером опасен выход в свет.
Вот гопломах предстанет перед ним,
Хоть в лёгкую с мечами разодет,
Тактически в бою неуязвим.

Удара в сердце вряд ли избежать
И увернувшись выпад нанести,
И дать врагу ретироваться вспять,
И жизнь свою до времени спасти.

Музыка ночи

В закате дня посеян страх.
Вечерний сумрак одурманен,
Он гнёзда вьёт уже в цветах,
Но лик его пока туманен.

Не без причины топит он
В реке заблудшие стрекозы,
Готовит стрелы Купидон
И красный сок он жмёт из
розы.

Настанет ночь. При свете лун,
Сойдутся в битве светотени.
И некто тронет скрепы струн,
Под ветвью мраморной сирени.

И разнесётся вихрем мгла,
Как листья жёлтые берёзы.
И перья белого крыла,
Накроют парковые розы.

Под знаком креста

Вновь к острию меча коснулся враг,
В ладони окровавленный эфес,
Над Сакса – Рубра в небе Божий знак,
Иешуа Голгофский – виден крест!

Знамёна, как хоругви на ветру,
Возносятся молитва и хвала,
А после боя с ночи по утру
На месте славы стая воронья.

Я всем прощаю, даже и врагам,
Что встретили меня в лихом бою
И ноги в кровь и лезвие к глазам,
Но в небе крест я вижу и молю.

Над знаменитым Тибром облака,
Слетают сонмы ангелов с небес,
А с низу к стопам ног исподтишка,
Как древний змей Эдема жалит бес.

И к лезвию меча коснулся враг,
В ладони окровавленный эфес,
Под облаками виден добрый знак,
Христа, распятого за Мир,

Голгофский крест!

Поклонники Феба

Отверженные миром чернецы,
На кладбище поют о свете песни,
Припевом сотрясая: «Феб – воскресни!»
Они святые трогают ларцы.

Там колокол с осколком чугуна,
На монолитном высится фронтоне,
Язык его поодаль в эстрагоне,
Давно обхвачен листьями выюна.

Среди пионов: кости и гробы,
Отмеченные веком саркофаги
И влагой орошённые овраги,
И сколотые части скорлупы.

Частицы света собраны в ларец,
Десятки пальцев призывают Феба,
Ответа нет, всё время томно небо,
Обхваченное сотнями колец.

Застывший полдень – ядерной зимы,
Остановил движение по кругу.
Свободу дав увесистому плугу
И города все обратив в холмы.

Небесный свод опять грозит дождём.
Фонарь в руке осветит часть колонны,
Где иерархий праха – скорпионы,
Преклонятся пред избранным вождём.

Пир на костях

На дверях старой церкви чугунный замок,
Над могилами кладбища тёмные лица,
Шепчет тихо мне змей: «прочь отсюда, щенок»
И клюёт на костях что-то чёрная птица.

Пир в разгаре. Снуют меж могил чернецы,
С коробами для душ бродят ловчие праха.
И слетает к погосту, садясь на кресты
С неба звездного странная бледная птаха.

Бес в ночи потащил чью-то душу, ворча,
Выбираясь из тьмы, изрыгая проклятья,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.